

РЕЦЕНЗІЯ НА СОЧИНЕНІЕ
«Синтаксическія особенності винительнаго въ санскритѣ» (Студента А. Попова).

Въ представленномъ подѣ девизомъ—«Сарвах сарван на джанати» (Никто не знаетъ всего) трудѣ съ заглавіемъ «Синтаксическія особенності винительнаго въ санскритѣ съ сравненіемъ отличительныхъ чертъ этого падежа въ греческомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ» авторъ разбираетъ главныя синтаксическія отправленія одного изъ важнѣйшихъ падежей.

Авторъ расширилъ свою задачу, введши въ свое изслѣдованіе также языки зендскій, готскій, нѣмецкій, литовскій и славянскія нарѣчія. Источники, которыми авторъ пользовался, весьма многочисленны: такъ, относительно одного санскрита, встрѣчаемъ у него ссылки и извлеченія изъ двадцати изданій ведическихъ, эпическихъ и классическихъ произведеній древнеиндійской литературы. Разсматриваемый имъ падежъ авторъ дѣлитъ на I. винительный независимый (до 61 стр.) съ тремя подраздѣленіями: 1) винительный времени и мѣста, 2) винительный comitativus, 3) винительный отношенія; и II. винительный зависимый (accusativus objecti) съ такими-же подраздѣленіями. Затѣмъ авторъ разбираетъ двойные винительные (на 138 — 170 стр.), винительный съ неопредѣленнымъ (170 — 182 стр.); съ 183 страницы авторъ разбираетъ разные слу-

чаи ограниченія употребленія винительнаго. Въ разбираемомъ трудѣ болѣе всего выдаются впередъ богатство матеріала и систематичность въ изложеніи; многія отправленія винительнаго изображены авторомъ весьма рельефно и вѣрно. Такъ, напр., авторъ весьма удачно указалъ на отношеніе мѣстнаго къ винительному, неподтверждающее всѣхъ выводовъ, дѣлаемыхъ на этотъ счетъ локалистами. Приведенные имъ примѣры, гдѣ винительный выражаетъ пребываніе на мѣстѣ, а мѣстный движеніе къ цѣли, весьма характерны. Мѣстный, выражающій движеніе, встрѣчается въ санскритѣ вовсе нерѣдко; часто попадаются обороты въ родѣ слѣдующихъ: «hrdi tam atudat» (въ сердце его ударилъ), vana akṣīrat (въ лѣсъ бросилъ) и друг. Нѣчто подобное представляютъ и русск. *домой* (сербск. *кући*), которые хотя по формѣ мѣстныя, все-же выражаютъ движеніе. Въ греческ. языкѣ, особенно же у Гомера, часто дательный, т. е. первоначальный мѣстный, выражаетъ движеніе куда, а не пребываніе на мѣстѣ: *χαμα-ι πέσε* (упалъ на землю), *ἐν πυρὶ βάλλε* (бросилъ въ огонь), *ἔθηκε ἐν χερσίν* (въ руки положилъ) и пр.

На стр. 2 авторъ говоритъ: «суффиксъ *-am* въ нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ является указателемъ именительнаго: *ah-am* (я), *tv-am* (ты), *aj-am* (онъ) и пр. Въ приведенныхъ авторомъ словахъ *-am* оказывается однако не указателемъ именительнаго, а извѣстною указательною основой, лишенною всякой падежной характеристики. Авторъ не обратилъ должнаго вниманія на то обстоятельство, что упомянутыя основы вовсе не склоняются по тѣмъ образцамъ и правиламъ, которымъ слѣдуютъ основы существительныхъ. Обратимъ вниманіе только на родит. *mama*, образованный путемъ удвоенія изъ *ma*, на дат. *mahjam*, имѣющій особое окончаніе, на мѣстный указательнаго *asmin* и пр. Кромѣ того, мнимый указатель именительнаго встрѣчается во всѣхъ трехъ родахъ одинаково (*aj-am*, *ij-am*, *id-am*), онъ усматривается также во множественномъ и двойственномъ (*vaj-*

-am, jūj-am; āvat изъ *āva-am, jivām*), онъ попадаетъ даже въ дательномъ единственного и множественнаго разныхъ мѣстоименныхъ основъ (*ta-hj-am, jūṣṭa-bhj-am*), формы, какъ-то *ah-am, tvam, ijam, vajam* и пр., не содержатъ никакого суффикса извѣстнаго падежа, а представляютъ продуктъ или конгломератъ двухъ самостоятельныхъ первоначальныхъ основъ, изъ которыхъ первая представляетъ настоящее мѣстоименіе, вторая же имѣетъ характеръ чисто указательный, безъ котораго мѣстоименія въ весьма разнородныхъ языкахъ обойтись не могутъ. *Aham* значить такимъ образомъ «я вотъ», *tvam* «ты вотъ» и пр. Такое объясненіе вполне подтверждается приведеннымъ авторомъ санскр. *svaj-am* (самъ), которое можетъ выражать не только именительный и винительный, но и родительный, дательный, мѣстный и пр., однимъ словомъ—всѣ косвенные падежи, *-am* здѣсь служило бы, если бытъ послѣдовательнымъ съ авторомъ, указателемъ всѣхъ косвенныхъ падежей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ *svajam* представляетъ такую - же (хотя и болѣе сложную) форму безъ какого бы то ни было указателя падежнаго окончанія, какъ приведенныя *aham, ijam* и пр.

Утверждать, что падежъ съ суффиксомъ *-m* древнѣе падежа съ суффиксомъ *-s* можно бы только тогда, когда бы было доказано, что слова въ родѣ *aham* (я), *tvam* (ты) и пр. употреблялись раньше словъ *vrkas* (волкъ), *drumas* (дерево) и пр. На дѣлѣ же, насколько можно судить по аналогіи другихъ отраслей языковъ, совершалось противное, такъ-какъ именительный личныхъ мѣстоименій, какъ отвлеченное выраженіе извѣстной личности, получилъ весьма поздно свою особую формальную обстановку.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора, высказаннымъ имъ на 8 страницѣ, что «винительный мѣстный и дательный трудно различимы съ точки зрѣнія локализма и что они являются въ языкахъ какимъ-то бесполезнымъ бременемъ». И тотъ, кто не сторонникъ безусловнаго локализма, частое слияніе между

собою оттънковъ значеній разныхъ падежей долженъ считать аксіомой въ нашей наукѣ; бесполезнымъ же бременемъ нельзя называть то, чего мы вполне не понимаемъ, да какъ-же намъ постичь всѣ тонкости падежныхъ отправленій и всѣ оттънки въ значеніи ихъ, когда они возникали и употреблялись въ столь отдаленныя для насъ времена? Очень сомнѣваюсь, чтобы въ языкѣ что-нибудь было бесполезно. Французъ или англичанинъ можетъ назвать употребленіе многократнаго вида, въ отличіе отъ однократнаго, бесполезнымъ въ славянскихъ языкахъ, но мы едва-ли присоединимся къ такому мнѣнію. Если въ арабскомъ языкѣ первое личное мѣстоименіе выражается черезъ *anī* или *anī* (смотря по тому, относится ли оно къ особѣ мужскаго или женскаго пола), если въ полинезійскихъ языкахъ первое личное мѣстоименіе множественнаго можетъ выражаться разнообразно, смотря по тому, включается ли говорящій въ число тѣхъ лицъ, къ которымъ обращается, или нѣтъ; если въ кавказскихъ языкахъ, особенно же въ нарѣчіяхъ нагорнаго Дагестана, имѣется болѣе десяти совершенно самостоятельныхъ родовъ; если между турецкими *söjlerim* и *söjlejörüm*, выражающими для насъ одинаково «я говорю», существуетъ почти неуловимая для насъ, но туземцу весьма понятная разница, то это можетъ показаться бесполезнымъ, но на дѣлѣ тутъ проявляется тонкое пониманіе оттънковъ въ значеніи словъ и формъ, къ которому мы въ настоящее время въ этомъ отношеніи по-крайней-мѣрѣ неспособны.

Неудачна попытка автора лишить локализмъ, по его словамъ, «роди принципа», на томъ предполагаемомъ имъ основаніи, что локализмъ чувствовался въ языкѣ прежде гораздо меньше, чѣмъ въ позднѣйшее время. Приведенныя имъ доказательства не только крайне скудны, но и ошибочны. Высказанное имъ столь важное положеніе, которымъ опровергается мнѣніе, выработанное въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ въ нашей наукѣ, онъ

старается доказать отношеніемъ винительнаго къ мѣстному, указывая на то, что винительный иногда, хотя изрѣдка, употреблялся для означенія движенія отъ предмета, а съ другой стороны аблативъ для означенія движенія къ предмету; примѣры, которые онъ приводитъ, оказываются однако неубѣдительными, отчасти и невѣрными. а) Винительный въ приведенныхъ авторомъ примѣрахъ зависитъ отъ предлога, присоединяющагося къ глаголу въ видѣ префикса, а такія сложныя глагольныя формы для первоначальныхъ отправленій падежей ничего не доказываютъ, такъ какъ онѣ возникли весьма поздно; вѣдь еще въ ведахъ онѣ встрѣчаются относительно весьма рѣдко. Разберемъ его примѣры: «*rāgā na arajāti puram tama*», авторъ переводитъ: «царь не уходитъ изъ города», слѣдовательно винительному *rajat* онъ даетъ значеніе аблатива. Въ хрестоматіи Бенфея, откуда этотъ примѣръ заимствованъ, въ глоссаріи встрѣчаемъ у *ara-jā* значеніе «*weggehen zu*»; *zu*, которое Бенфей весьма основательно прибавляетъ, относится къ слѣдующему за глаголомъ винительному, должно слѣдовательно переводить: «(пока) этотъ царь не уйдетъ въ мой городъ», а не «изъ моего города». Въ приведенномъ изъ зенда примѣрѣ: *frā naçus narem bavaiti* — по переводу Юсти «злой духъ покидаетъ человѣка» — винительный зависитъ отъ префикса *fra: frā-bavaiti* соответствуетъ санскритскому *prabhavati*, выражающему «пересиливается». Здѣсь имѣется въ виду не столько удаленіе, какъ простое перенесеніе дѣйствія на предметъ, зависящее отъ упомянутаго префикса. Съ такимъ-же правомъ мы должны бы сказать, что винительный выражаетъ удаленіе отъ предмета въ предложеніи «онъ бросилъ ножъ на полъ». Въ третьемъ примѣрѣ, приведенномъ изъ краледворской рукописи: «*ostūpi na-dija vse kresťany*» глаголъ также находится въ связи съ префиксомъ. Если здѣсь обнаруживаются слѣды чередованія винительнаго съ аблативомъ, то въ силу такого-же умозаключенія

можно сказать, что въ русскомъ языкѣ чередуются винительный, дательный и мѣстный въ глаголѣ «быть», такъ-какъ «забыть» требуетъ винительнаго, «прибыть» дательнаго, а «пребыть» мѣстнаго. На-сколько префиксы могутъ видоизмѣнять коренной глаголъ и выражаемое имъ дѣйствіе по отношенію къ падежамъ, видно напр. изъ сравненія русскаго «стоять» и «отстоять», «быть» и «сбыть» и др. Въ приводимыхъ примѣрахъ глаголы должны слѣдовательно оказаться безъ всякихъ префиксовъ или предлоговъ. б) Такъ-же мало убѣдительны примѣры, гдѣ, по мнѣнію автора, аблативъ выражаетъ движеніе *куда*, вмѣсто движенія *откуда*. Онъ приводитъ здѣсь только два примѣра: скр. *dūrāt*, которое, будто-бы, значить «*fernhin*» вм. «*von fern*»; хотя авторъ ссылается на извѣстное, къ сожалѣнію, имъ не-приведенное мѣсто въ гимнѣ о Парджанѣ (*Orient & Occident*); но въ петербургскомъ словарѣ, лучшемъ нашемъ источникѣ санскритологій, не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека такого значенія: такъ-какъ здѣсь пропускъ предполагать нельзя, то приведенный примѣръ считаемъ въ высшей степени сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что не знаемъ его обстановки въ данномъ предложеніи. На-сколько намъ извѣстно, *dūrāt* во всѣ періоды санскрита значило только «издали». Во второмъ приведенномъ примѣрѣ—*sarvato brāhmanā gatāḥ* «брамины пошли во всѣ стороны» *sarvato* не имѣетъ уже формы настоящаго аблатива; это есть чистое нарѣчіе на *-tas* и выражаетъ собственно «по всѣмъ сторонамъ», такъ-что точный переводъ приведенной фразы—«брамины пошли (разбрелись) по всѣмъ направленіямъ». Здѣсь *sarvatas* давно уже утратило значеніе настоящаго падежа, да и въ немъ вообще нѣтъ настоящаго падежнаго окончанія. Съ такимъ-же правомъ можно бы считать *kutra* (куда) какимъ-то древнимъ винительнымъ, *iha* (здѣсь) какимъ-то древнимъ мѣстнымъ и пр. формы *mattas* (отъ меня), *svarga-tas* (съ неба) и др. ничего не доказываютъ, такъ-какъ и *-tra* напр. пристав-

ляется къ существительнымъ такимъ - же образомъ, вслѣдствіе чего возникаютъ своеобразныя нарѣчія: ведическ. *deva-trā* (между богами, къ богамъ), а *deva-tra* (не обращаясь къ богамъ) и пр. Такія формы, какъ видно, съ падежными окончаніями не имѣютъ непосредственно уже ничего общаго.

На 14—17 страницахъ авторъ развиваетъ мысль, что винительный могъ возникнуть безъ всякаго отношенія къ глаголу; по нашему взгляду такой винительный невозможенъ. Напрасно авторъ ссылается на результаты, добытые сравнительнымъ языкознаніемъ; они говорятъ противъ него, равно какъ приведенные имъ примѣры. Не можемъ разобрать ихъ всѣхъ, ограничимся только нѣсколькими словами по этому поводу. Тамъ, гдѣ теперь встрѣчаемъ винительный безъ соотвѣтствующаго глагола, глаголь или утраченъ вслѣдствіе столь часто употребляемаго въ языкахъ эллипсиса, или же онъ кроется въ невзрачной на-видѣ частичкѣ, въ междометіи или въ какой - нибудь другой части рѣчи. Это подтверждаютъ приведенные авторомъ примѣры. Что въ латинскомъ «*unde mihi lapidem*» выпалъ глаголь, соотвѣтствующій русскому «взять», кажется, очевидно и безъ всякихъ доказательствъ, равно какъ никто не затруднится подобрать подходящій глаголь въ русскомъ простонародномъ «ну его къ чорту» или въ чешскомъ «*aby ho všichni všudy*» и пр. Въ *eccum adest* (15 стр.) имѣемъ два предложенія: «*ессе еум аdest*». Здѣсь винительный зависитъ, очевидно, отъ *ессе*, которое, представля въ свою очередь междометіе, возводится къ корню *ak*, имѣющему значеніе «видѣть (оттуда санскр. *akṣi*, лат. *oc-ulus*, нѣм. *auge*, слав. ок-о и пр.). Такимъ образомъ «*ессе еум аdest*» выражаетъ буквально собственно «посмотри на него, онъ здѣсь». Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ санскрита, гдѣ винительный стоитъ за *dhik*, т. е. за междометіемъ, выражающимъ отвращеніе, презрѣніе: *dhik tam* «стыдно ему, горе ему» и пр. Здѣсь винительный обусловливается

предшествующимъ *dhik*, которое возводитъ къ глагольному корню *dih* (мазать, отравлять; *digdha* отравленный, ядовитый), такимъ образомъ *dhik tam* значило первоначально «отрави его!». Если въ послѣдствіи къ такимъ предложеніямъ приставляется иногда еще *astu* = лат. *esto*, то такое слово, образуя само по себѣ самостоятельное предложеніе, усиливаетъ только высказанное въ предшествующихъ словахъ желаніе. Въ сербскомъ на *ти сабљу* «вотъ тебѣ сабля», на въ качествѣ частицы представляеть первоначальный глагольный корень съ значеніемъ «взять». Этотъ корень весьма распространенъ, такъ-какъ во многихъ американскихъ нарѣчіяхъ и въ китайскомъ языкѣ на (китайск. *на*) еще и теперь значить «брать, захватить». Приведенный авторомъ примѣръ изъ арабскаго языка «*inna' llaḥa rahi-man*» (ессе deum misericors) также сюда не подходитъ, такъ-какъ винительный (употребляемый впрочемъ исключительно въ литературномъ языкѣ) зависитъ отъ частицы *inna*, возводимой къ глагольному корню *anī* (достигать). То-же самое должно сказать и относительно остальныхъ приведенныхъ авторомъ примѣровъ. И въ приведенныхъ авторомъ на 27 стр. примѣрахъ «*er stand da, den Mund offen*», «*stabat ense in manu*» и пр. мы предполагаемъ самое несомнѣнное выпущеніе глагола (въ формѣ причастія или дѣеприсчастія), такъ-какъ изъ духа языка, не смотря на приведенныя тамъ-же авторомъ слова Дица, такіа явленія нельзя объяснить. Число встрѣчаемыхъ въ нашихъ языкахъ эллипсисовъ ничтожно въ сравненіи съ тѣми, которые попадаются въ языкахъ восточной Азіи, особенно въ китайскомъ, преимущественно въ древнемъ слогѣ, такъ-называемомъ *ku-ven*. Если авторъ говорить (на 53 стр.), что всякое прилагательное первоначально есть причастіе, а всякое существительное первоначально тождественно съ прилагательнымъ, то такое сужденіе болѣе, чѣмъ неточно. Что въ данномъ словѣ изъ значенія прилагательнаго могло развиваться существительное или на-

оборотъ, весьма понятно, равно какъ извѣстно, что прилагательныя и существительныя первоначально совпадали по образованію основъ, но нельзя отождествлять прилагательныхъ съ причастіями; причастія могутъ дѣйствительно переходить въ прилагательныя, но не на-оборотъ. Какія причастія представляютъ напр. санскр. прилагательныя *kāla* (черный), *śiśi* (чистый), *mṛdu* (мягкій), *gambhīra* (глубокій), *ghana* (твердый) и др.? Автору слѣдовало здѣсь точнѣе опредѣлить отношеніе существительнаго къ прилагательному съ одной, а къ причастію съ другой стороны.

На 62-й стран. авторъ говоритъ, что оборотъ «найти что» предполагаетъ болѣе древній оборотъ «итти что». Здѣсь авторъ попадаетъ въ ту-же самую ошибку, о которой мы упомянули выше: глагольный корень съ префиксомъ имѣетъ уже часто совершенно другую функцію, нежели тотъ-же глаголъ безъ префикса (или предлога). «Найти что» предполагаетъ болѣе древнее «итти на что», а не «итти что», а это «на что» выражалось въ нашемъ праязыкѣ (какъ еще видно изъ санскрита) черезъ простой винительный; винительный впоследствии для большей точности соединялся (хотя далеко не всегда) еще съ предлогомъ (какъ это часто видно въ Ведахъ), а еще позже такіе предлоги въ качествѣ префиксовъ примкнули къ глагольному корню.

Разныя неточности въ транскрипціи чужихъ, особенно санскритскихъ словъ отмѣчены мною въ самомъ трудѣ; транскрипція санскр. двугласныхъ *āi* и *ai* черезъ *ai* и *ai* есть непослѣдовательность со стороны автора, такъ-какъ *a* въ упомянутыхъ двугласныхъ всегда долгое, а авторъ долгое *a* всегда обозначаетъ черезъ *ā*.

Словопроизводства и этимологическія сравненія, вообще говоря, вѣрны и точны; авторъ, видно, обладаетъ вѣрнымъ критическимъ тактомъ, ограничивающимъ предѣлы, которыхъ нужно держаться при сравненіи разбираемыхъ словъ. Рѣдко встрѣ-

чаемъ не совсѣмъ подходящее или невѣрное словопроизводство. Такъ, напр., на 103-й стран. рядомъ съ санскритскимъ *krū* (кричать) слѣдовало привести нѣм. *kreischen*, которое къ санскр. слову стоитъ ближе, нежели *krächzen*, соответствующее по своей формации латинскому *crōcitāre*. Сопоставленіе нѣм. *harfe* съ глаголомъ *ruf en* совершенно неудачно. Въ древне-нѣмецкомъ языкѣ соответствующій глаголъ имѣлъ форму *hrōfan* (*hroafan*), а нѣм. *harfe* передавалось въ немъ черезъ *haraphā* (*harephā*). Этимологъ, знакомый хоть поверхностно съ основаніями словообразованія въ германскихъ языкахъ, воздержится отъ сравненія упомянутыхъ двухъ словъ. Ни одинъ германскій языкъ не допускаетъ преобразованія *hrōf* въ *haraph*; кромѣ того, значеніе глагола вовсе не подходитъ къ значенію существительнаго: *hrōfan* значить только «звать, кричать», но никогда не выражаетъ понятія «звучать», такимъ образомъ кромѣ фонетическихъ законовъ упомянутыя слова и по значенію не сходятся между собою. Авторъ въ этомъ случаѣ воспроизводитъ, правда, только сравненіе, встрѣчающееся въ сравнительномъ трудѣ *Фика*; но кто пользуется этимъ трудомъ, тотъ долженъ соблюдать большую осторожность и обладать вѣрнымъ критическимъ тактомъ, такъ какъ рядомъ со многими хорошими встрѣчаемъ тамъ также не мало негоднаго. Авторъ приводитъ также разные фиктивные санскритскіе корни, встрѣчающіеся только въ *Dxāmyada*, но неоказывающіеся въ памятникахъ, такъ напр. на 103-й стран. *ṣalbh* (звучать, хвастаться), на 109-й стран. *arg* (жарить) и друг.

Способъ изложенія, вообще говоря, удовлетворителенъ, но, встрѣчаются иногда мѣста туманныя, неясныя и даже совсѣмъ непонятныя. Къ такимъ мѣстамъ принадлежатъ напр.: на 74-й стран. «сочиненіе глаголовъ движенія не остановилось на винительномъ движенія къ цѣли»; на стран. 75-й «явленія первоначально одного рода дѣлятся: одни явленія подвергаются даль-

нѣйшему развитію, а другія остаются сравнительно неподвижными». Или же на той-же страницѣ: «Синтактическіе обороты, отрываясь отъ общаго теченія, теряютъ конкретное значеніе и дѣлаются сравнительно неподвижными». Въ такихъ и другихъ подобныхъ имъ мѣстахъ слышатся намъ отголоски слога Штейнтала, къ которому относятся извѣстные слова Шлейхера (на X-й стран. предисловія къ его литовской грамматикѣ): «Ich kenne nichts, was mir unerquicklicher wäre, als philosophisch sein sollendes Wesen in der Grammatik». На 210-й стран. авторъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Бенфея, говоритъ, что «санскритское *mādim* (*ātmanēpadam*) употребляется, когда дѣйствующее лицо дѣйствуетъ для себя, вообще, а не для того, чтобы получить извѣстную выгоду». Здѣсь слова Бенфея переданы не совсѣмъ точно. Бенфей говоритъ: «im allgemeinen, nicht etwa um einen bestimmten *Lohn* zu verdienen». Въ нѣм. языкѣ «*Lohn*» (награда, плата) и *Vortheil* (выгода) очень строго отличаются другъ отъ друга, и никакъ нельзя переводить одно черезъ другое. «*Bestimmten Lohn*» здѣсь слѣдовало передать черезъ «извѣстную плату» или «извѣстную награду». Бенфей этимъ хотѣлъ сказать, что *ātmanēpadam* выражаетъ всегда дѣйствіе, происходящее въ пользу дѣйствующаго, но что эта польза вовсе не должна быть опредѣлена конкретно; вѣдь дѣйствующій для себя не будетъ дѣйствовать противъ себя. Приведенные Бенфеемъ примѣры вполнѣ объясняютъ, что онъ понимаетъ подъ выраженіемъ — «*handelt für sich*»: *jaḡatê* передаетъ Бенфей черезъ «*er opfert für sich*» и прямо прибавляетъ тамъ-же «*zu seinem Vortheil, himmlischen Lohns willen*», «*ċōrajatê*» *er stiehlt für sich* — тутъ польза конечно несомнѣнна, но она конкретно не опредѣлена. Дѣйствіе въ пользу дѣйствующаго высказывается также въ другомъ, приведенномъ Бенфеемъ примѣрѣ: «*krôdhan vi najatê*» «*er entfernt (dämpft) seinen Zorn*» и проч. Въ дальнѣйшемъ развитіи санскрита, осо-

бенно же въ періодъ послѣ *Kālidāsy*, усматривается дѣйстви-
тельно нѣкоторое ослабленіе этого первоначальнаго оттѣнка сред-
няго залога, но въ эпическомъ слогѣ онъ еще удерживается съ
строкою послѣдовательностью.

Стремленіе автора все объяснить весьма понятно, но оно
нерѣдко ведетъ къ натяжкамъ или къ заключеніямъ довольно
шаткимъ. Отъ такого стремленія предостерегалъ особенно часто
Шлейхеръ, усматривая въ немъ важный недостатокъ. Приведу
только одинъ примѣръ изъ разбираемаго труда. На 211-й стран.
авторъ коснулся страннаго употребленія въ санскритѣ родитель-
наго за глаголами, выражающими понятіе «дать». Онъ приво-
дитъ примѣръ «*brāhmanô gām dadāti*» «онъ даетъ корову
брамину», гдѣ *brāhmanô* стоитъ въ родительномъ. Онъ объ-
ясняетъ конструкцію такъ: «онъ даетъ корову, которая дѣ-
лается принадлежащею брамину, даетъ корову брамина, но эта
корова сдѣлалась брам. новою только послѣ того какъ была дана». Очевидно, что авторъ тутъ собственно ничего не объяснилъ, мы
все же стоимъ передъ загадкой, какъ вмѣсто дательнаго здѣсь
можетъ стоять родительный, который можетъ стоять и безъ
соотвѣтствующаго объекта: *dēhi tasja* = *da ejus*, т. е. «дай
ему». Полагаемъ, что въ такомъ случаѣ предпочтительнѣе всего
откровенно сознаться, что мы не въ состояніи объяснить такую
конструкцію.

Заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ на основаніи про-
изведенныхъ имъ изслѣдованій въ области винительнаго, считаю
вѣрными и основательными, но только до извѣстной степени.
Онъ полагаетъ, въ согласіи съ Курціусомъ, что винительный
былъ нѣкогда общимъ косвеннымъ падежомъ. Если онъ говоритъ,
что ни одинъ падежь не примыкаетъ такъ близко къ имени-
тельному, какъ именно винительный, что мѣстный, означая дѣлѣ
движенія и пребываніе на мѣстѣ, совпадаетъ съ значительной
частью винительнаго первой категоріи, и что дательный колеб-

лется между значеніем цѣли движенія и коммодальностью, то съ такимъ сужденіемъ вполне можно согласиться; тѣмъ не менѣе полагаю, что авторъ приписываетъ винительному болѣе важную роль, нежели ему по всѣмъ правамъ слѣдуетъ. Не вижу никакихъ по-крайней-мѣрѣ явныхъ для меня точекъ соприкосновенія между родительнымъ и винительнымъ, или между аблативомъ и винительнымъ. Самый поверхностный взглядъ на формальную или синтактическую сторону этихъ падежей убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы здѣсь находимся совершенно на самостоятельной почвѣ. Авторъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что эти падежи все-же представляютъ достаточно случаевъ чередованія, но пока онъ этого не докажетъ самымъ положительнымъ образомъ, мы имѣемъ право придерживаться совершенно противоположнаго мнѣнія. Не подпишемъ мы также его мнѣнія относительно инструментала, который будто бы «едва-ли не цѣликомъ представляетъ собою специализированіе и усложненіе значеній винительнаго». Если мы такимъ образомъ согласны назвать винительный до извѣстной степени общимъ косвеннымъ падежомъ, то такое названіе относимъ къ большинству бывшихъ прежде въ употребленіи падежей, но отнюдь не ко всѣмъ; при томъ-же нельзя упустить изъ виду, что, судя по развитію древнѣйшихъ арійскихъ языковъ, число падежей въ до-историческое время было гораздо больше, нежели въ извѣстные намъ періоды. Какое же мы имѣемъ право приурочить винительному роль настоящаго опекуна надъ всѣми прочими падежами? Этимологическія изслѣдованія не подтверждаютъ такого предположенія, а представленныя авторомъ синтактическія данныя болѣе чѣмъ недостаточны для доказательства такого важнаго принципа.

Приведенные выше недостатки, которыхъ отчасти трудно избѣгнуть въ первомъ такъ-сказать дебютѣ въ области сравнительнаго языковѣдѣнія, вполне окупаются необыкновенными достоинствами этого труда. Авторъ дѣйствовалъ по заранѣе об-

думанному и хорошо обставленному плану; онъ приводитъ громадный матеріалъ изъ весьма многочисленныхъ индо - европейскихъ языковъ, этимологическія его сравненія за немногими исключеніями точны и вѣрны; мнѣнія и сужденія другихъ изслѣдователей онъ предварительно подвергаетъ своей собственной критикѣ; трудолюбіе и усердіе, съ которыми авторъ выполнилъ свою задачу, дѣйствительно изумительны; вездѣ проглядываетъ необыкновенная любовь и преданность своему предмету. Если авторъ, какъ онъ намекаетъ въ концѣ своего труда, желаетъ продолжать начатія имъ изслѣдованія, то не сомнѣваюсь, что изъ него выйдетъ весьма дѣльный и полезный труженикъ. На основаніи вышесказаннаго считаю этотъ прекрасный трудъ вполне достойнымъ награды золотою медалью.

Викентій Шериль.

Харьковъ.

29-го декабря 1878.